

9. Radishchev A. N. Beseda o tom, chto est' syn Otechestva: Poln. Sobr. soch. M.; L., 1938. T. 1. S. 44–56.
10. Samarin Ju. F. Stefan Javorskij i Feofan Prokopovich. Sochinenija. M., 1880. T. 5. S. 149–156.
11. Tatishchev V. N. Razgovor dvuh prijatelej o pol'ze nauk i uchilishch. M., 1887.
12. Junosti chestnoe zertsalo, ili Pokazanie k zhitejskomu obhozhdeniju, sobrannoe ot raznyh avtorov povedeniem Ego Imperatorskogo Velichestva Gosudarja Petra Velikogo blazhennaja i vechnodostojnaja pamjati. Sankt Peterbug, leta 1717. 56 s.

С. И. Дьяков

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС ВОЕННОГО ВУЗА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ

Автор описывает основные традиции подготовки офицерских кадров. Проанализированы традиции в системе военного образования и непосредственно в образовательном процессе вузов ракетных войск и артиллерии. Отмечается, что процесс воспитания в военных вузах, построенный на традициях подготовки офицерских кадров, в приоритетном порядке должен включать формирование духовных потребностей курсантов как будущих офицеров.

Ключевые слова: традиции подготовки офицерских кадров, духовные потребности и их классификация, образовательный процесс военного вуза, формирование духовных потребностей.

S. Dyakov

The Educational process of a Military Hei as a Means of the Development of Spiritual Needs of Preservice Officers

The basic traditions of training officers are described. The traditions in the system of military education are analysed, particularly in the educational process of HEIs of rocket armies and artillery. It is argued that the process of education in military HEIs, based on the traditions of training officers shots, should include the development of spiritual needs of pre-service officers.

Keywords: Traditions of training officers shots, spiritual needs and their classification, educational process of military heis, development of spiritual needs.

Современное образование призвано вкладывать не только модели деятельности человека в будущем, но и его духовную составляющую. Именно духовное воспроизводство человека является важнейшей сферой образования. Поэтому формирование духовного мира личности, способной к сознательному житнетворчеству и к нравственным поступкам, к ответственным отношениям и конструктивным решениям, к самостоятельному целеполаганию и к гибкому позитивному мышлению, становится центральным моментом образовательного

процесса. Поскольку пусковым механизмом жизнедеятельности человека, показателем его активности и духовности, устойчивой основой избирательного поведения являются потребности, то основной задачей профессионального обучения и воспитания в военных вузах должно быть именно формирование и развитие духовных потребностей у будущих офицеров.

Русская военная школа прошла большой путь. В разные века, в разное время передовые люди России пытались сделать все необходимое и возможное для того, чтобы

русская армия, ее офицерский состав были на высоте положения защитников государства, с учётом того, что в условиях господства силы, постоянной опасности со стороны внешнего врага невозможно обойтись без армии, без подготовленных военных кадров.

На пути становления и развития военного образования в России имелись как несомненные достижения, так и определенные издержки и недочеты. Думается, что это вполне естественно, поскольку просчеты и ошибки неизбежны в любом деле, и уж тем более в такой сложной сфере, как защита Отечества. Однако в своей основе отечественный опыт военной школы несет в себе массу позитивного, того, что сегодня вполне можно называть национальным достоянием. К нему вполне можно отнести передовые традиции подготовки военных (офицерских) кадров России, которые, по нашему мнению, в настоящее время в образовательном процессе реформируемых военных вузов должны стать фундаментом воспитания будущих офицеров Вооруженных Сил современной России.

Как показал проведенный анализ, процесс воспитания в военных вузах, построенный на традициях подготовки офицерских кадров, в приоритетном порядке должен включать формирование духовных потребностей курсантов как будущих офицеров.

Духовные потребности не даны в полном объеме человеку от рождения, они появляются, формируются только в результате воспитания и обучения, а их полнота и интенсивность свидетельствуют об уровне развития личности. Подчеркнем, что духовные потребности имеют свойство организовывать и направлять действие всех остальных, придавая поведению прогрессивный — в смысле развития личности — характер. Это положение позволяет установить вполне конкретные приоритеты в формировании личности офицера, определить задачи образовательного процесса и ориентировать сис-

тему военного образования на целенаправленное формирование потребностей будущих офицеров.

Анализ позиций разных авторов [11] позволил нам классифицировать духовные потребности в соответствии с основными видами деятельности будущего офицера:

1. *Познавательные потребности.*
2. *Эстетические потребности.*
3. *Потребности самореализации личности в труде.*
4. *Нравственные потребности.*
5. *Потребности в общении.*
6. *Потребность в самосовершенствовании.*

Понятно, что в структуре реального духовного мира личности будущего офицера разные потребности переплетены, не существуют в «чистом» виде, однако они не взаимозаменяемы: каждая из них имеет свою специфику в процессе формирования и в способе удовлетворения.

Проведенный анализ теории и практики показал, что важнейшим средством формирования духовных потребностей будущих офицеров выступает целостный образовательный процесс военного вуза, основанный на традициях подготовки офицерских кадров.

Под *традициями подготовки офицерских кадров* понимаются исторически сложившиеся нормы, правила, ценности в сфере военного образования (обучения и воспитания военных кадров), унаследованные от предыдущих поколений и отличающиеся особой устойчивостью и направленностью действия на всех этапах развития военной школы [11].

Для таких традиций характерны: бережное отношение к сложившимся ранее нормам, правилам, ценностям подготовки военных кадров; устойчивое внимание не только к содержанию военного образования, но и к его формам функционирования; самобытность и преемственность обучения военных кадров; соответствие объективным условиям их существования и своевремен-

ное насыщение их современным содержанием.

Традиции подготовки офицерских кадров в России сформировались в процессе *зарождения, развития и совершенствования системы военного обучения в России*, которая, по своей сути, сама является на протяжении многих веков сложившимся устойчивым процессом, т. е. выступает *одной из наиболее общих традиций в системе подготовки офицерских кадров России*.

С начала XVIII века в России начала складываться стройная система подготовки офицерских кадров. На начальном этапе ее формирования в определенной степени был использован западный опыт военного образования, некоторые его принципы и методы. Вместе с тем развитие военного образования в России в своей основе учитывало и опиралось на национальные особенности русского войска, на собственный отечественный опыт в образовательной деятельности русского офицерского корпуса.

Великий преобразователь России Петр I, один из первых и немногих государственных деятелей того времени, понимал это, положив начало зарождению ряда прогрессивных традиций в сфере образования офицеров русской армии.

Одной из первых, наиболее общих таких традиций, заложенных самим Петром I, следует назвать *прямую зависимость служебного положения офицера, его продвижения по службе от уровня образованности, от «познания в науках»* и в целом от реальных личных заслуг.

Новый шаг в развитии познавательных потребностей будущих офицеров был сделан 1 января 1719 года. Продвижение по службе было поставлено в зависимость от наличия вакансий и результатов баллотировки двух-трех претендентов на продвижение. Причем при баллотировании в числе главных критериев назывались *«познания в науках»* [10].

Вершиной достижений в этой области является разработка «Табели о рангах» 1722

года. Этот документ устанавливал обязанность гражданской и военной службы дворян, соотношение военных, гражданских и придворных чинов, порядок чинопроизводства. При этом в основу чинопроизводства была положена не порода, не родовитость, а личные способности, образование, опыт офицера. Таковы рычаги, которые использовал Петр I для приобщения молодых людей к военному знанию, к военному образованию. Тем самым создавались предпосылки для развития потребности в самосовершенствовании личности будущего офицера русской армии. Таким образом, Петр I положил начало оформлению в системе традиций русского офицерства такой традиции, как зависимость продвижения офицера по службе от уровня его образованности, его компетентности и подготовленности. Это петровское начинание оказалось настолько прочным, что последовавшие за ним «временщики» не смогли до конца вытравить петровский дух подготовки войск и офицерских кадров.

Значительный вклад в развитие данной традиции внес **А. В. Суворов** (1730–1800). Известно, что великий русский полководец создал оригинальную и прогрессивную систему взглядов на способы ведения войны и боя, обучения и воспитания войск, во многом опередив свое время. Суворов не только не позволил предать забвению наказ Петра I о том, чтобы каждый офицер «с фундамента» солдатское дело знал, но и сам многое сделал для того, чтобы русский офицер был *образованным, компетентным и подготовленным*. Задачами военно-профессионального воспитания в этот период явились: формирование у воинов бодрости, смелости, надежности, храбрости, твердости, решительности и дисциплины; нравственных качеств — правдивости, благочестия, верноподданнических чувств. В целом содержание военного обучения и воспитания выражалось в том, чтобы дать каждому солдату нравственную, физическую и военно-профессиональную подготовку [2, с. 36].

Важную роль в развитии традиции в подготовке офицерских кадров (*стремление к повышению уровня образованности, умственного развития офицеров*) сыграли педагогические идеи В.Г. Белинского. К сожалению, в отечественной историографии оценка вклада и места педагогической системы Белинского в развитие русской военной школы дана крайне поверхностно [8]. Особое внимание он придавал таким качественным характеристикам ума, как широта, глубина, гибкость, самостоятельность суждений [1].

Наиболее полно передовые традиции русской военной школы нашли воплощение в педагогической системе генерала **М. И. Драгомирова** (1830–1905). Именно просвещенный ум М. И. Драгомирова смог оценить всю ценность отечественной военной школы, и Драгомиров, обладая соответствующими полномочиями, сумел внедрить прогрессивные идеи в практику подготовки русского офицерского корпуса.

В лучших традициях суворовской школы звучат требования Драгомирова к офицерам — выпускникам военно-учебных заведений. В их числе:

- 1) быть преданными Родине до самопожертвования;
- 2) быть высокодисциплинированными, крепко верить в «свято приказания»;
- 3) быть храбрым, решительным, безропотно переносить трудности, холод, голод и все нужды солдатские;
- 4) иметь чувство взаимной выручки;
- 5) любить военное дело, быть искренне преданным ему [4].

Тем самым М. И. Драгомиров дополнил палитру развиваемых потребностей, а именно он делал упор в своей деятельности на развитие нравственных и эстетических потребностей.

Особое внимание в процессе исследования было уделено традициям, которые сложились в ракетных войсках и в артиллерии. В каждой военной системе, торжествовавшей в годы войны, офицеры выполняли

функцию мозга армии, ее стового хребта. Поэтому правительства не жалели усилий, чтобы дать им специальное образование и надлежащую подготовку. Ракетные войска и артиллерия России развивались в русле этой мировой тенденции, что объясняет появление традиции *приоритетного развития системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации военных кадров, отвечающей текущим и перспективным потребностям военного и мирного времени* как важнейшей ценности военной культуры рода войск [9].

Практически во всем цивилизованном мире исторически сложилось так, что необходимость дать офицерам-кандидатам более высокую техническую подготовку и установить связь между теорией и практикой, первоначально ощущалась лишь при подготовке артиллеристов. С конца Средневековья этот вид оружия приобретал все большее значение. Однако для его применения требовались математические знания, заметно превышавшие обычный для тех времен уровень. Здоровые размышления привели к мысли, что будущим офицерам лучше усваивать их в школе. Так возникли артиллерийские училища — старейшие военные академии, появившиеся в Западной Европе в начале XVI в. Для остальных родов войск подобные заведения были учреждены столетия спустя, но даже тогда их первоначальный замысел был связан не столько с военными надобностями, сколько с желанием поддержать пошатнувшийся статус рыцарства как элиты общества.

Со временем выяснилось, что молодые люди, выделявшиеся своими способностями и трудолюбием в артиллерийских училищах Западной Европы, оказались лучшими и на поле боя, превосходя даже пожилых генералов, смотревших на них свысока [3]. Эта оценка принадлежит крупному прусскому военному деятелю, ставшему военным министром, генералу Шарнхорсту, военная карьера которого проходила в третьей четверти XVIII в. — начале XIX в.

Россия оказалась прилежной ученицей западноевропейских учителей. Русский царь Петр I был первым россиянином, получившим систематическое артиллерийское образование, заверенное дипломом. Свою учебу он завершил, находясь в составе Великого посольства в Кенигсберге — столице Пруссии [5]. Будущий император внес качественные изменения в существовавший в стране порядок обучения пушкарей. Благодаря усилиям Петра I в России были открыты первые артиллерийские школы при бомбардирской роте Преображенского полка и Пушкарском приказе, которые можно считать непосредственными предшественниками первых учебных заведений регулярной русской армии. Они комплектовались солдатами Преображенского полка. Преподавателями были назначены офицеры бомбардирской роты. Путь развития системы артиллерийского образования в последующие годы вплоть до второго десятилетия XX в. лежал через артиллерийские школы нового типа, кадетские корпуса (особо выделим Артиллерийский и инженерный шляхетский кадетский корпус), учебные роты гвардейского артиллерийского батальона.

Научно-образовательный потенциал русской артиллерии, накопленный к началу XIX в., оказался достаточным, чтобы она внесла важный вклад в победу над наполеоновской армией, длительное время считавшейся лучшей в Европе. Однако лавры победителей не могли заслонить серьезной проблемы. По окончании войны сложившаяся после всех реорганизаций система артиллерийского образования перестала справляться даже с простым воспроизводством специалистов артиллерии. Все это происходило в то время, когда роль артиллерии, ее влияние на исход сражений явно возрастали. Наполеон в мемуарах даже утверждал, что «артиллерия будет решать судьбу армий и народов».

Уровень требований к специалистам артиллерии за рубежом неуклонно повышался. Во Франции контингент офицеров-

артиллеристов пополняли выпускники знаменитой Парижской политехнической школы. В этой стране также работала аппликационная артиллерийская и инженерная школа в Фонтенбло. В Пруссии с 1791 г. существовала артиллерийская академия. Будущее артиллерии ведущие европейские державы связывали с офицерами, уровень общего образования которых ставил их в число интеллектуальной элиты общества, а глубокие знания позволяли им успешно осваивать достижения военно-технического прогресса, заниматься научными исследованиями.

Импульс назревшей перестройке в подготовке офицеров придало учреждение в России 25 ноября 1820 г. первого учебного заведения нового типа — специального артиллерийского училища, получившего 19 сентября 1849 г. почётное наименование «Михайловское» в честь генерал-фельдцейхмейстера Великого князя Михаила Павловича — его основателя и заботливого куратора.

Содержание образовательного процесса в Михайловском училище, особенно в офицерских классах, пошло по пути фундаментализации содержания образования, которая предполагает ориентацию на овладение глубинными, сущностными основами и взаимосвязями явлений и процессов военного дела, радикальное развитие познавательных потребностей и интеллектуального потенциала личности.

Эта стратегия подготовки кадров для артиллерии оказалась наиболее оптимальной для учебного заведения второго, высшего, уровня военного образования — Михайловской военной артиллерийской академии, созданной в 1856 г. на базе офицерских классов училища. Потребность перевооружения русской армии нарезными скорострельными орудиями обусловила заметный технический уклон в подготовке основной массы выпускников академии, что, прежде всего, преследовало цель поднять уровень научных исследований в области матери-

альной части артиллерии и теории стрельбы, содействовать развитию военной промышленности России.

Теоретический и технический уклон в образовательном процессе в академии и теоретический — в училище был удачно компенсирован учреждением 3 апреля 1882 г. офицерской артиллерийской школы. Она стала фактически «полевой академией». Образование в этом учебном заведении носило характер, *максимально сближавший содержание преподаваемых дисциплин со спецификой будущей практической профессиональной деятельности артиллеристов*. В ее функции входила подготовка «старших офицеров артиллерии теоретическим и практическим путем к самостоятельному выполнению обязанностей, лежащих на батарейном командире», развитие искусства стрельбы в артиллерии и распространение в ней «правильного взгляда на употребление огня в бою и на однообразие обучения стрельбе» [7]. Таким образом, мы видим, что выше описанная традиция развивает потребность самореализации личности будущего офицера в его профессиональной деятельности.

Система военного образования изначально должна была стать эталоном воинской организации и межличностных отношений, носителем духа традиций будущего рода войск, высокой военной и общей культуры. Поэтому в военно-учебных заведениях рода войск естественно и закономерно утвердилась традиция *поддержания их роли и значения как центров высокой военно-профессиональной культуры, боеготовности, оптимальной организации учебного процесса, образцового внутреннего порядка, воинской дисциплины и службы войск*.

Большую роль в поддержании этой традиции играл тщательный подбор кадров постоянного состава, качество конкурса при поступлении в артиллерийские вузы. Особую роль играла обстановка пиетета вокруг научных и педагогических школ военно-

учебных заведений, культ книги и знаний, подчеркнутое внимание и уважение к отличникам учёбы, к молодым учёным, к изобретателям и рационализаторам. В военно-учебных заведениях стало нормой проводить дни знаний и книги, изобретателя и рационализатора, организовывать конкурсы среди слушателей и курсантов на лучшие научные работы и т. п. Помещения военно-учебных заведений издавна украшают портреты основателей научных и педагогических школ, крупных учёных и педагогов, военачальников артиллеристов и ракетчиков, других офицеров и генералов, добрые имена которых известны за пределами военно-учебных заведений. Самые лучшие аудитории носили имена выдающихся представителей артиллерийского образования и науки.

Атмосфера уважения знания и профессионализма, творчества и преданности любимому делу создала благоприятные условия для существования *традиции фундаментализации образования в высших военно-учебных заведениях РВиА*, значение которой неуклонно возрастало под влиянием революции в военном деле.

Извечный спор о соотношении эмпирических умений, навыков и теоретических знаний в учебном процессе редко покушался на педагогическую идею необходимости разумного сочетания этих ведущих компонентов образованности офицера. Его границы изначально были обусловлены должностным предназначением офицерских кадров, военно-техническим прогрессом, развитием организационной структуры и тактики боевого применения артиллерии. Наконец, военное искусство и управление испытывали возрастающее влияние науки как формы теоретического видения военной практики.

Поскольку артиллерия оказалась на острие военно-технического прогресса, это потребовало от офицеров достаточно основательной теоретической базы знаний, каче-

ственной общеобразовательной подготовки, наконец, широты общего и профессионального кругозора, то есть всего того, что традиционно относят к фундаментальной подготовке. По мнению ряда специалистов высшей школы, под влиянием требований развивающейся практики в фундаментализации образования появились и некоторые новые аспекты. Они связаны с существованием так называемых базисных квалификаций. Их нельзя отнести к общему или к собственно профессиональному образованию. К ним относятся «сквозные умения»: знания иностранных языков, умение оказывать первую медицинскую помощь, военно-педагогические знания, умение работать на компьютерах, элементарные юридические, экологические знания.

Со времен Петра Великого в артиллерийских военно-учебных заведениях важнейшим компонентом знаний пушкарей считались математика и геометрия. *Высокий уровень преподавания математики трансформировался в традицию артиллерийских военно-учебных заведений, а твердые знания математики — в специфическую черту образованности их выпускников.* В то время и на протяжении всего XVIII в. математика была связующим звеном между наукой вообще и военной наукой в частности и, более того, служила основой для той и другой. Военное искусство представлялось областью математики, точнее, ее практическим применением. В военной среде существовало мнение, что при выполнении маневров во время сражений необходимо следовать формам геометрических фигур и что можно предсказывать падение крепостей при помощи арифметических вычислений [5, с.78]. Наполеону, который был незаурядным полководцем, приписывают слова: «Для того чтобы быть хорошим генералом, нужно знать математику; она помогает ежедневно прояснять разум. Вполне возможно, мои успехи отчасти объясняются хорошим знанием математики» [12]. Напомним, что Наполеон начинал свою бурную и в какой-то пе-

риод блестящую карьеру офицером артиллерии. Поэтому воспринимается как естественный факт, что в классах офицерского отделения Михайловского артиллерийского училища курс физико-математических дисциплин читался применительно к программам Московского и Санкт-Петербургского университетов.

По прошествии двух столетий математический компонент фундаментального образования специалистов РВиА не утратил своего значения. Современный уровень развития методов формализации и инструментально-вычислительных средств позволяет отдать предпочтение при разработке рациональных вариантов действий группировок войск во всем спектре боевой обстановки методу математического моделирования. С его помощью удается вести корректный поиск наилучших способов решения огневых задач с учетом их специфики.

Однако этот метод не безупречен. Ему неподвластен учет всех оттенков морального духа войск, элементов везения и невезения, неожиданности в динамике боя. Так, когда постфактум специалисты смоделировали Сталинградскую битву, выяснилось, что Красная Армия была обречена на поражение. Однако вопреки железной логике расчетов наши войска в очередной раз воскресили фразу, прославлявшую русское оружие: «небывалому бывать».

Сама жизнь подсказывала, что для решения задач, стоящих перед артиллерией, недостаточно научить выпускников «рафинированному» военному делу. Явственно обозначилась потребность усилить гуманитарную составляющую обучения, формировать то, что мы сегодня называем социальным интеллектом, являющимся надёжным помощником в адаптации выпускников вуза в общественной жизни и в войсковой практике. Так выработалась традиция *гуманитаризации артиллерийского образования*, предполагающая обогащение личности слушателей и курсантов знаниями гуманитарных, социально-экономических дисциплин.

Содержание и формы этой разновидности содержательной стороны образования юнкеров и слушателей первоначально не отличались разнообразием. В XVIII–XIX вв. они концентрировались вокруг Священного писания. Знание этой «книги книг» помогало юнкерам и слушателям жить в правде и согласии с самим собой, с окружающими и с государством. Потребности войсковой и общественно-политической практики заставили заметно расширить круг изучаемых юнкерами, курсантами и слушателями источников гуманитарных и социально-экономических знаний. В программу обучения в военных училищах Российской империи входила также всеобщая и отечественная история, русская литература. Помимо выполнения функции социализации юнкеров, история и, прежде всего, литература расширяли словарный запас молодых артиллеристов, открывая новые нюансы богатства окружающего мира и человеческих чувств. Современные офицеры-артиллеристы и ракетчики иногда не задумываются о существовании традиции богатства русского языка офицеров русской армии, хотя язык — это душа народа. Он вмещает в себя все прошлое, весь духовный уклад и все творческие замыслы народа. По степени развитости языка судят о культуре нации и о ее месте в мировой цивилизации.

Отдавая дань религии, уже на рубеже XIX–XX вв. представители военной интеллигенции артиллерии осознали потребность в изучении новых социальных технологий для достижения гармонии во взаимоотношениях с подчиненными. В момент, когда решалась судьба России, они также остро ощутили потребность принимать участие во всех видах общественной деятельности, не исключая принятия государственных решений. Эта потребность нашла отражение на страницах журнала Михайловского артиллерийского училища «Михайловец», где был, в частности, опубликован реферат популярной в армии книги полковника М. С. Галкина «Новый путь современного офице-

ра», перекликавшейся с книгой французского автора Ж. Дюрьи «Современная социальная роль офицера».

Начиная с Крымской войны 1853–1856 гг., стали традицией *командировки в составе исследовательских групп, стажировки, а то и вынужденное использование преподавателей, слушателей и курсантов на театре военных действий согласно должностному предназначению или даже в качестве боевых подразделений*.

Многие успехи системы артиллерийского образования обязаны тем, что офицеры, слушатели и курсанты гордятся службой в ракетных войсках и в артиллерии. Эта традиция проявлялась в стремлении поддерживать авторитет артиллеристов и ракетчиков и своей ALMA MATER достойным поведением в стенах вуза и за его пределами, образцовым внешним видом, безупречным выполнением служебных обязанностей, победами на различных олимпиадах и в спортивных состязаниях с представителями других вузов. Традиция гордости за службу в артиллерии и военно-учебном заведении также воплотилась в корпоративном сознании курсантов и слушателей. Для Михайловской академии среди прочего было характерно стремление поддержать определённый стиль поведения, отличающийся высокой культурой, особой вежливостью в отношениях с окружающими. Именно такими чертами, например, характеризовали михайловцев начала XX века [9, с. 219].

Одним из средств поддержания корпоративного духа явился обычай ношения выпускниками академии и училищ особых нагрудных знаков, а в 1920-е годы и перстней (михайловцами и константиновцами), а позднее — аббревиатуры названия вуза на стандартных ромбах, выдаваемых по его окончании. Почти во всех артиллерийских вузах также сложился обычай иметь собственную, «фирменную» строевую песню. Благоприятную ауру создает артиллерийский акцент в архитектуре зданий военно-учебных заведений РВиА — это использо-

вание артиллерийских орудий либо их стилизованных изображений для украшения их территории. В годы существования Ленинградского высшего артиллерийского командного училища с хорошей инициативой выступили офицеры и курсанты этого учебного заведения, которые своими силами возвели монумент «Герои-артиллеристы». В этом вузе постепенно сложилась традиция, когда его выпускники, офицеры и курсанты-молодожены в день свадьбы возлагали к монументу цветы.

В настоящее время в Михайловской военной артиллерийской академии существует очень значимая традиция, которая соединяет прошлое и настоящее академии — посвящение в михайловцы. В них посвящают курсантов и слушателей, которые поступают в академию, обычно этот день совмещен с Днем знаний. Ученым советом академии от 2 ноября 2010 года утвержден кодекс чести личного состава Михайловской военной артиллерийской академии, в котором указаны основные обязанности михайловца. Личный состав, который отчисляются из академии по недисциплинированности, лишается высокого звания михайловца.

Кодекс чести личного состава Михайловской военной артиллерийской академии

Кодекс чести михайловца является профессионально-нравственным руководством, обращенным к сознанию и совести всего личного состава академии.

Михайловец обязан:

1. Дорожить именем михайловца, честью академии и рода войск. Помнить, что михайловец — пример честного и добросовестного служения Родине, верности воинскому долгу.
2. Быть готовым до последней капли крови защищать Отечество, хранить верность Присяге и Боевому знамени академии.
3. Быть верным традициям ракетных войск и артиллерии, Михайловской военной артиллерийской академии. Знать и чтить историческое прошлое академии, великих людей, отдавших свои силы и знания для ее процветания.
4. Уважать и почитать своих учителей, участников войн, проявлять к ним внимание и заботу,

равняться на них и перенимать богатый опыт ветеранов-михайловцев.

5. Отдавать дань памяти павшим в боях за Родину, шествовать над местами воинских захоронений.

6. Неукоснительно соблюдать ритуалы, поднимающие престиж академии, содействующие воспитанию воинской чести. Уважительно относиться к символам государства, армии и академии.

7. Добиваться, чтобы Михайловская военная артиллерийская академия была лучшим военным учебным заведением, а имена ее выпускников значились в летописи славных дел Вооруженных Сил России.

8. Проявлять старание и настойчиво стремиться быть первым во всех делах, совершенствовать свои знания и профессиональное мастерство.

9. Распознавать и развивать таланты подчиненных и обучающихся, овладевать тонкостями педагогической науки и мастерства, внедрять современные технологии обучения и воспитания в образовательную деятельность академии.

10. Влиять личным примером на подчиненных и сослуживцев. Быть для них образцом в выполнении воинского долга.

11. В обществе соблюдать достоинство, приличия и правила этикета, по отношению к гражданам быть внимательным и учтивым, не допускать деяний, позорящих звание михайловца, пятнающих облик рода войск и академии.

12. Поддерживать связь с коллективом академии, оказывать помощь и поддержку в решении главной задачи — подготовки артиллеристов и ракетчиков.

Кодекс чести личного состава Михайловской военной артиллерийской академии призывает каждого члена коллектива к развитию духовных потребностей, необходимых будущему офицеру.

Сложившиеся в России традиции артиллерийского образования являются важным интеллектуальным и моральным капиталом РВиА. Они национальны по своим истокам, по содержанию, прагматичны по вектору деятельности, отражая дух и букву жизни отечественных Вооруженных Сил, военного дела, в особенности задач, решаемых ракетными войсками и артиллерией. Эти традиции во многом интернациональны, вследствие имеющих связей с зарубежным

опытом, благодаря содействию России в подготовке квалифицированных кадров для армий ее друзей и союзников.

Таким образом, российские традиции в подготовке офицерских кадров со времен Петра I до настоящего времени способствовали в той или иной степени формированию духовных потребностей в образовательном процессе военных вузов. В современных условиях, как показало проведенное исследование, наряду с необходимостью целенаправленного формирования познавательных, нравственных и эстетических потребностей, акцент в ходе образовательного

процесса военного вуза необходимо сделать на формировании духовной потребности в самосовершенствовании. Духовные потребности, сформированные у будущего офицера на протяжении учебы в военном вузе на основе отечественных традиций подготовки офицерских кадров, будут способствовать успешности его предстоящей службы в различных служебных ситуациях (назначение на новую должность в связи с организационно-штатными мероприятиями, освоение принятой на вооружение новой техники, изучение и выполнение новых руководящих документов, освоение на новом месте службы).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белинский В. Г.* Поли. собр. соч. М., 1956. Т. X. С. 30.
2. Военная педагогика / Под ред. О. Ю. Ефремова. СПб.: Питер, 2007. 650 с.
3. *Деметр К.* Германский офицерский корпус в обществе и государстве. 1650–1945. М., 2007. С. 82.
4. *Драгомиров М. И.* Подготовка войск в мирное время. М., 1906. С. 92.
5. *Ефимов С. В.* Державный бомбардир // *Бомбандир*. 2002. № 15. С. 135.
6. *Жуковский.* Традиции офицеров русской армии. М., 2004. 320 с.
7. История Центральных артиллерийских ордена Краснознаменных офицерских курсов. Л., 1959. С.4.
8. *Каменев А. И.* Военная школа России: уроки истории и стратегия развития. С. 77–78.
9. *Константинов В. А., Вапилин Е. Г., Чернухин В. А.* Традиции отечественных ракетных войск и артиллерии. СПб., 2009. С. 179.
10. *Тушкарев И.* История императорской Российской гвардии. СПб., 1844. Ч. 1. С. 59–60.
11. Формирование духовных потребностей школьников / Под ред. Ю. В. Шарова. Новосибирск: Зап.-Сиб. книжн изд-во, 1966. 484 с.
12. Энциклопедия военной мысли. М., 2002. С. 164.

REFERENCES

1. *Belinskij V. G.* Poli. sobr. soch. M., 1956. T. X. S. 30.
2. Voennaja pedagogika / Pod red. O. Ju. Efremova. SPb.: Piter, 2007. 650 s.
3. *Demetr K.* Germanskij ofitsereskij korpus v obshchestve i gosudarstve. 1650–1945. M., 2007. S. 82.
4. *Dragomirov M. I.* Podgotovka vojsk v mirnoe vremja. M., 1906. S. 92.
5. *Efimov S. V.* Derzhavnyj bombardir // *Bombandir*. 2002. № 15. S. 135.
6. *Zhukovskij.* Traditsii ofitserov russkoj armii. M., 2004. 320s.
7. Istorija Tsentral'nyh artillerijskih ordena Krasnoznamennyh ofitserskih kursov. L, 1959. S. 4.
8. *Kamenev A. I.* Voennaja shkola Rossii: uroki istorii i strategija razvitija. S. 77–78.
9. *Konstantinov V. A., Vapilin E. G., Chernuhin V. A.* Traditsii otechestvennyh raketnyh vojsk i artillerii. SPb., 2009. S. 179.
10. *Tushkarev I.* Istorija imperatorskoj Rossijskoj gvardii. SPb., 1844. Ch. 1. S. 59–60.
11. Formirovanie duhovnyh potrebnostej shkol'nikov / Pod red. Ju. V. Sharova. Novosibirsk: Zap.-Sib. knizhn izd-vo, 1966. 484 s.
12. Entsiklopedija voennoj mysli. M., 2002. S. 164.